

К ХАРАКТЕРИСТИКЕ КАРАМЗИНСКОГО КОНСЕРВАТИЗМА НА МАТЕРИАЛЕ ПОЛИТИЧЕСКИХ СТАТЕЙ «ВЕСТНИКА ЕВРОПЫ»

Разумеется, уже давно нельзя сказать, что карамзинский «Вестник Европы» с точки зрения мировоззрения его издателя исследован мало. И все же создается впечатление, что ученые, изучающие Карамзина в целом, торопятся перескочить через эти два года прямо к «Истории государства Российского» и/или к записке «О древней и новой России». Это, впрочем, не относится к Ю.М. Лотману, для которого поиск источников политических статей Карамзина в «Вестнике» был первой и на всю жизнь любимой научной работой – однако она так и осталась в целом необнародованной. Более или менее краткие высказывания и главы в опубликованных работах ученого [1-3], при всей своей первостепенной важности, дают лишь вершинные точки описания карамзинского мировоззрения в эти годы, оставляя большое поле для уточнения важных нюансов. К тому же нельзя не учесть, что первые две из этих работ писались еще в конце 50-х гг. и, немало послужив разрушению дихотомической системы оценок «прогрессивный – реакционный», все же неизбежно исходили именно из нее. Термин «консерватизм» тогда был бы просто никем не понят. Сейчас именно такое определение взглядов позднего Карамзина – не более, чем очевидность. Используя собственную старую статью [4], я попытаюсь уточнить некоторые особенности подхода Карамзина к действительности именно в период «Вестника Европы», хотя, вероятней всего, это были те константы, которые как раз и сделали его зрелые взгляды консервативными.

Главным героем политической части журнала, естественно, был Наполеон Бонапарт.

Не подлежит сомнению, что на протяжении 1802 г. первый консул пользовался безусловной симпатией издателя «Вестника Европы» (см. [3, с. 270-272]). О следующем годе, на что, кажется, почти не обращают внимания, этого сказать уже нельзя: положительные отзывы о Бонапарте по-прежнему встречаются, но чередуются с критикой, иногда резкой. Важно рассмотреть, что именно в деятельности Бонапарта Карамзин считал достойным похвалы, что – порицания, а к чему оставался равнодушен.

Первое бросается в глаза и может быть выражено в двух словах: единовластие и успокоение. В 1802 г. Бонапарт для Карамзина – не «сын революции» (каким он представлен в записке «О древней и новой России»), а ее победитель и восстановитель монархии: «Опасные и безрассудные Якобинские правила <...> исчезли в самом своем отечестве, и Франция, не смотря на имя и некоторые Республиканские формы, есть теперь в самом деле не что иное, как истинная монархия» (Всеобщее обозрение // Вестник Европы. 1802. № 1. С. 72. Далее при ссылках на журнал его название опускается). Но уже здесь заметно, что карамзинский консерватизм ни в коем случае не есть легитимизм. В пользу этого утверждения можно привести и приводилось много фактов. Формула же «Всеобщего обозрения» выражает убеждение, что монархия может быть *истинной*, не будучи ни в каком смысле легитимной: ни по праву наследования, ни по праву явно выраженной воли народа. В том, что французский народ поддерживает Бонапарта, Карамзин не сомневался, но подтверждение это получило лишь на плебисците о

пожизненном консульстве, да и тогда, как вскоре увидим, не это было для него важно. Монархию в форме консульства Карамзин считал истинной, потому и только потому, что правление в ней было единоличным, а деятельность правителя виделась Карамзину созидательной. После того, как «... политические бури освежили, так сказать, деятельность ума, дали ему новую силу, открыли новые истины, спасительные для гражданского порядка» (Известия и замечания // 1802. № 7. С. 236), открылась возможность *органичного* развития Франции и именно Франции на искони присущих ей (по мысли Карамзина) монархических основах, но притом с учетом новых обстоятельств, чем и занимался Бонапарт. Множество приводимых в «Вестнике Европы» анекдотов из парижской жизни и даже, по-видимому, отбор переводимых с французского авторов весь год подтверждают это.

С другой стороны, если и верно, что эта новая монархия мыслится как «президентское правление с очень сильной властью президента как в исполнительной сфере, так и в области законодательной инициативы» [3, с. 272], то речь идет именно о конкретном моменте, а не о принципе даже для Франции. Правда, Карамзин не считал желательным дальнейшее усиление власти Бонапарта, не хотел верить слухам сперва о пожизненном консульстве, а потом о коронации Наполеона, но когда пожизненное консульство состоялось, издатель «Вестника» счел возможным оправдать его: «Бонапарте имеет право быть властолюбивым, а мы не имеем права укорять его властолюбием. Не народ Французский, а Провидение поставило сего удивительного человека на степень такого величия» (Известия // 1802. № 11. С. 280). Прямые отклики Карамзина на учреждение империи неизвестны, но едва ли само по себе это событие произвело на него большое впечатление. Важно было другое: уже к концу 1802 г. перестали оправдываться надежды на то, что «Бонапарте <...> хотя умеет повелевать, однакож не хочет рабского безмолвия» (Письмо из Парижа: С немецкого // 1802. № 10. С. 175). Карамзина тревожили такие черты консульского режима, как вести о цензурных стеснениях, необычно суровые для того времени меры по обеспечению безопасности Наполеона (русскому читателю напомилавшие о Павле I), резко отрицательно он относился к колониальной политике Франции (и вообще к колониальной политике). Но ключевым для пересмотра его позиции стал, вероятно, эпизод с восстанием патриархальных кантонов против централизованной Гельветической республики («Дубинная война»).

Сам по себе этот эпизод довольно малозначителен не только в исторической перспективе, но, сколько могу судить, и в восприятии современников, хотя и послужил непосредственным предлогом к разрыву Люневильского мира между Англией и Францией. Первоначально мятеж не вызывал сочувствия у Карамзина: он считал его необоснованным и опасным следствием честолюбия аристократов, возбуждающих необразованных крестьян (см. [5]). Но вмешательство Франции, и незаконный (по крайней мере, на взгляд Карамзина) арест главы федералистов Алоиса фон Рединга с товарищами изменили картину. (Это осталось незамеченным в указанной выше статье И.В. Немировского, где анализ текстов фактически обрывается именно на этом месте). Теперь конфликт для Карамзина стал актом сопротивления неорганичному Швейцарии политическому строю – а ведь сам факт такого сопротивления говорил о том, что «народные добродетели» не вовсе отжили свой век в Швейцарии. Поэтому сочувствие Карамзина перешло на сторону инсургентов. Он протестовал против ареста Рединга, опубликовал его апологетическую биографию «Алойс Рединг, славный патриот Швейцарский» (1803. № 6. С. 146-154) и в связи с этим произнес самые резкие за два года слова о Бонапарте: «Знаем, что

власть и сила могут смеяться над идеями Филантропов <...>, что иному приятнее жить в каком-нибудь великолепном замке, нежели в храме богини Клио, но в таком случае не надобно уже думать о славе, не надобно говорить о *потомстве, справедливости, мнении веков*: ибо не префекты Сен-Клудского замка будут писать историю!» (Известия и замечания // 1802. № 24. С. 333-334). Далее Карамзин саркастически замечает: «Слышно, что Министр Талеран изготавил уже новейшую Конституцию для Швейцарии <...> Французы набили руку в сем деле: нигде не сочиняется столько романов и конституций, как в Париже!» (Там же). Когда же эта конституция («Акт о посредничестве») была принята, Карамзин подвел такой итог: «Сия Конституция без сомнения лучше всех бывших: жаль только, что она дана Швейцарам! <...> Увидим, может ли Гельвеция еще возникнуть для бытия народного!» (Известия и замечания // 1803. № 6. С. 170).

Все это было бы достаточно банально, если бы спор шел только о суверенитете Швейцарии. Но государственный суверенитет сам по себе столь же мало был для Карамзина безусловной ценностью, как и та или иная форма государственного устройства. Он ни словом не возразил против точно такого же, как и в Гельвеции, поведения Бонапарта по отношению к вновь устроенным итальянским республикам, а об аннексии Пьемонта – возмутительном с точки зрения международного права (то есть формального суверенитета) действии – лишь высказался мимоходом в обозрении «Взор на прошедший год» (1803. № 1. С. 75), и то не о самой аннексии, а об отречении прежнего сардинского короля. Напротив, оккупация Ганновера вызвала у Карамзина протест: «... Ему не надлежало бы вводить войска в Ганновер и наказывать Германию за Англичан: действие силы, оскорбительное для всех друзей справедливости – и для самых Кабинетов, как надобно думать!» (Известия и замечания // 1803. № 11. С. 19).

Как видим, основанием оценки того или иного лица или действия для Карамзина не было ни лицеприятие (само собой), ни какая бы то ни было политическая догма, ни соображения целесообразности: ведь многое из того, что вызывало его отторжение, было в своем роде вполне целесообразно. Ближе к истине было бы говорить о моральной оценке политиков, но Карамзин – это тоже можно было бы показать на текстах – вполне отдает себе отчет в моральной неоднозначности почти любого политического действия и временами признает даже простое право сильного: «слабость есть вина в политике». Наличие исторической почвы под состоявшимися решениями – критерий важный, но и он поддается различным толкованиям, как показано в «Марфе Посаднице», которая, очевидно, не случайно писалась одновременно с развязкой швейцарских событий. Еще важнее кажется народное одобрение правителя (по существу, а ни в коем случае не формально или не только формально). Это одно из оснований карамзинской поддержки консульского режима; с другой стороны, о Рединге сказано: «Каков ни есть Рединг, но сограждане почитают его; влияние, которое он имеет на общую волю, есть действие свободы их, и законно, если они составляют народ независимый» (1802. № 20). И, напротив того, правительство Гельветической республики «говорит, что Швейцары заслуживают свое бедствие, дерзнув восстать против властей своих; но может ли назваться народною та власть, которую ненавидит народ? А сию ненависть заслужило Гельветическое Правительство своею безрассудною жестокостию против несчастного Цириха» (Там же. Речь идет о бомбардировке мятежного Цюриха правительствен-

ными войсками). То обстоятельство, что правительство было законно избрано, в этом случае лишь усугубляет его вину. Но ведь то, что Карамзин сказал о Рединге, можно было бы сказать и о Марфе Борецкой, а Иоанна III он не осуждает. К тому же этот критерий едва ли применим к александровской России, о параллелях с которой Карамзин думал если не всегда, то достаточно часто.

Можно прийти к заключению, что под любыми явно формулируемыми доводами Карамзина – политического обозревателя лежит нечто менее четкое, но более глубокое. Я бы предложил назвать это «нечто» *уместностью*, которую следует отличать от целесообразности. Уместно или, пользуясь языком карамзинского времени, «прилично» такое политическое действие, которое (насколько можно судить) делает мир лучше или, по крайней мере, не делает его хуже. Если это так, то извинению в той или иной мере может подлежать и война, и революция, и народный бунт, как в Швейцарии или еще на Гаити, и несправедливая аннексия, как было с Пьемонтом. Пьемонт, по мысли Карамзина, – перезревший плод, сам собой упавший; его судьба, очевидно, безразлична его собственному народу и не оказывает влияния на ход истории, поэтому не только нет смысла возмущаться, что Бонапарт подобрал этот плод, но можно даже просто не говорить об этом. Но оккупация Ганновера прямо служит разжиганию общеевропейской войны и в первую очередь пагубного для культуры столкновения между Францией и Англией – поэтому она не только несправедлива, но и неуместна. Если бы это было не так, не было бы смысла в упоминании оскорбленных Кабинетов, к которым Карамзин относился по большей части иронически, если не хуже. Видимый на этом сравнительно мелком, но ясном примере ход мысли мог бы быть показан и применительно к другим высказываниям Карамзина: как периода «Вестника Европы», так и позже; как о внешней, так и о внутренней политике и, конечно, о российской истории.

Такой «уместности», конечно, соответствуют некоторые категории из числа употребляемых самим Карамзиным и вообще более привычных, из которых важнейшие – «человеколюбие» и «просвещение». Само собой разумеется, что карамзинский смысл этих и подобных категорий сам по себе требует тщательного анализа. Однако нам представляется, что именно нечто невысказанное позволяет, вбирая в себя и гуманность, и культуру, и, в определенных случаях, государственный интерес (если он не противоречит интересам гуманности и культуры), и справедливость (не превращенную в кумир), и многое другое, рассматривать факты многосторонне. Сами по себе человеколюбие и просвещение перестают быть набором заранее заданных характеристик: например, «Акт о посредничестве», будучи лучше всех прежних швейцарских конституций, служил просвещению Швейцарии, но оказывался неуместным ограничением ее свободы (следовательно, косвенно наносил вред и просвещению). Впоследствии именно такая позиция определила отношение Карамзина к Сперанскому, да и к императору Наполеону.

Таким образом реализовалось то самое важное, что было в рождавшемся консервативном мировоззрении: сочетание адогматизма и принципиальности, а отсюда уже – верности традициям и открытости к возможным переменам. Собственно говоря, консерватизм в такой постановке вопроса оказывается не столько образом мыслей, сколько способом мышления, побуждающим искать опасности в любых умозрительных «правилах», но в то же время – и благотворные возможности в уже свершившихся событиях, хотя бы и страшных. Нимало не воздерживаясь от суждения, от моральной оценки – напротив, вменяя ее себе в долг, – консервативный мыслитель, подобно добросовестному судье, внача-

ле исследует все обстоятельства дела, а уже потом выносит вердикт об уместности события. Отсутствие четких правил на все случаи жизни не означает произвола или оппортунизма. Такой подход к действительности формировался на протяжении всей первой половины жизни Карамзина, но именно в публицистике «Вестника Европы» он сказался вполне отчетливо и зрело.

ЛИТЕРАТУРА

1. Лотман Ю.М. Эволюция мировоззрения Карамзина // Лотман Ю.М. Карамзин. СПб., 1997. С. 312-348.
2. Пути развития русской прозы 1800 – 1810-х гг. // Там же. С. 349-417.
3. Сотворение Карамзина // Там же. С. 9-310.
4. Зубков Н.Н. Иностранная литература в журнале «Вестник Европы» Н.М. Карамзина (структура журнала и позиция издателя) // Книга в системе международных культурных связей. М., 1990. С. 63-84.
5. Немировский И.В. Швейцарская тема в «Вестнике Европы» Н.М. Карамзина // XVIII век. Вып. 16. Л., 1979. С. 271-280.